

Валерий Чеховский

Предисловие ответственного редактора и переводчика. Карл Маркс. Капитал, том I. Перевод с немецкого

Растаял призрак – призрак коммунизма. Но мечта о справедливом устоявшемся мире и сегодня потребительная ценность. Не в последнюю очередь на родине когда-то «реального социализма». Оттуда, из России, теперь страны эпохи первоначального накопления, приходят сообщения о переизданиях главной книги всех коммунистов...

В Советском Союзе очень гордились тем, что русский – первый иностранный язык, на который был переведен «Капитал» Карла Маркса. Том I вышел в 1872 году в издательстве Н. Полякова в Санкт-Петербурге. Переводчики Г. Лопатин и Н. Даниельсон.

Четверть века спустя альтернативную версию перевода интересующейся публике предложили У. Гурвич и Л. Зак. Первый том, изданный под редакцией П. Струве, поступил в продажу в 1899 году. Альтернатива заключалась в первую очередь в выборе русского *ценность* вместо *стоимость* для передачи немецкого *Wert*.

Однако основой всех последующих изданий «Капитала» в СССР и в сегодняшней России стало издание, вышедшее в 1907-1909 годах под редакцией А. Богданова. Перевод выполнил И. Скворцов-Степанов совместно с В. Базаровым. В 1937 году, когда И. Скворцова-Степанова уже не было в живых, В. Базаров после пяти лет тюрьмы находился в ссылке, а А. Богданов, поступив дальновидно, бросил занятия общественными науками, «Капитал» был переиздан вновь. С тех пор [1] перевод немецкого *Wert* русским *стоимость* – обязательный стандарт советской (российской) экономической литературы.

Мало сказать, что «стандарт» неудачный. Такой выбор – «серьёзная ошибка» [2] и демонстрация «трагикомической ситуации советского марксизма: в то время, как перевод Струве был заперт в специальных шкафах для ядовитых веществ государственных библиотек, невероятный переводческий ляпсус продолжал многократно тиражироваться» [3]. В результате русскоязычные читатели «Капитала» не по своей воле вынуждены размышлять над искажёнными мыслями Маркса. Они до сих пор ищут в тёмной комнате чёрную кошку.

Наличие ошибки было доказано мною в статье «О переводе Марксова понятия «Wert» на русский язык». Сборник «Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений» Выпуск № 5 Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Москва 1989, стр. 218-233; на немецком языке: «Zur Übersetzung des Marx'schen Begriffs Wert ins Russische» Beiträge zur Marx-Engels-Forschung Neue Folge 2007 Argument Verlag 2007 Hamburg; см. также публикацию в журнале «Вопросы экономики» Москва 2008 № 1, стр. 154-157. [4]

Но самый убедительный способ доказать ошибочность «официального» перевода, конечно же, предложить новый.

Требования к переводчику столь же просты, сколь и необходимы: во-первых, он должен переводить написанное, а не инструментализировать перевод по политическим или иным конъюнктурным соображениям, использовать его как аргумент, может быть, в совершенно другом споре. Во-вторых, переводчик должен знать, что переводит. Например, некоторые немцы уверены, что русское *гласность* (транспарентность, открытость, прозрачность) происходит от немецкого слова *Glas* (стекло).

Цель настоящего предисловия – коротко, насколько это возможно приступая к осуществлению непростого замысла, аргументированно убедить читателя в правильности выбранного направления, пригласив его двигаться тем же курсом. Обязательно следует подчеркнуть, что в мою задачу не входит полемизировать с автором переводимого текста, выражая своё отношение к содержанию последнего. Это уже особая статья.

* * *

Книги Маркса сегодня, в полном соответствии с его Критикой политической экономии, это часть «огромного скопления товаров». «Капитал» здесь - отдельный товар[5]

«Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь[6], которая благодаря её свойствам удовлетворяет человеческие потребности.»[7]

Потребности могут быть порождены чем угодно, например, голодным желудком[8] или жаждой знаний. Особое качество, свойство товара удовлетворять определённую потребность называется полезностью или, говоря научным языком, потребительной ценностью. Но поскольку «полезность не висит в воздухе»[9], то товарное тело «само есть потребительная ценность»[10].

В нашем примере том «Капитала», как товар, с одной стороны, имеет потребительную ценность, т. е. обладает редким качеством быть источником знаний, а с другой стороны, он сам является потребительной ценностью, это – книга, вещь, «товарное тело».[11]

Итак, *Gebrauchswert* по-русски - *потребительная ценность*. Научным понятиям в политической экономии обычно принято давать названия общеупотребительными словами. Выбор последних, однако, строго ограничен, а именно из-за необходимости соблюдения правила сохранения смыслового единства между содержанием научных понятий и исторически сложившимися значениями слов. Сказанное так же справедливо, если речь идёт о переводе научных терминов с другого языка. И здесь действует закон единства сущностных и языковых аспектов, разных сторон одного и того же переводческого процесса. Если переводчик это правило, или закон, игнорирует, то ему не избежать фиаско, как в разбираемом случае: ещё П. Струве обратил внимание на то, что «словосочетание «*потребительная стоимость*» явно нелепо»[12]. А дело здесь просто в том, что слово *стоимость* ни в значении *полезность*, ни в значении *полезная вещь* в русской речи не употребляется, поэтому для перевода немецкого *Gebrauchswert* не годится.

Дорогой читатель, мы только что сделали то, что не смогла сделать российская наука в течение почти 150 лет, а именно: мы перевели немецкое *Gebrauchswert* на русский язык.

Но почему в России до сих пор не могли решить такой простой вопрос? Издали „Капитал» быстрее всех, а прочесть и полтора века спустя не умеем... Если рассуждать задним числом, вопрос действительно простой[13], но, если внимательно присмотреться и взглянуть на разбираемый предмет под историческим углом зрения, то перед нами открывается совсем другая картина.

Да, Н. Даниельсон, завершая начатый Г. Лопатиным перевод, допустил ошибку. Но его «вина» в этом только наполовину. Мы дадим ему слово, когда вернёмся к первому переводу «Капитала». А пока бросим хотя бы беглый взгляд на последний.

На рубеже столетий - это время как раз совпало с выходом в свет «Капитала» под редакцией Струве - дискуссия «*стоимость* или *ценность*» осталась для широкой публики почти незамеченной. Она велась на самой периферии борьбы общественных идей и политических проектов России. Борьба закончилась сначала расколом среди участников, а затем уже и открытой враждой различных политических групп российской интеллигенции. Вражда прекратилась только после образования СССР. Но достичь этого удалось не путём поиска и нахождения компромиссов, а методом бескомпромиссной борьбой с инакомыслящими ...с аргументами в руках, разумеется.

К примеру, в дискуссии «*стоимость vs. ценность*», в пользу *стоимости* приводили два весомых «аргумента».

Ссылались, во-первых, на К. Маркса, оценившего русский перевод «Капитала» 1872 года как «превосходный», [14] выполненный «мастерски» [15], во-вторых, на В.

Ленина, предпочитавшего стоимость ценности[16] и оценивший перевод «Базарова и Степанова» в сравнении с другими переводами как «лучший»[17].

Неважно, что Ленин, всегда отдавая предпочтение слову *стоимость*, не придавал этому вопросу «особенно существенного значения»[18]. Сегодня мы говорим: Ленин не придавал этому вопросу значения, а мы придаём. Здесь точка зрения человека с весьма поверхностным взглядом на проблему.

Неважно, что нет свидетельств о глубине знаний Маркса русского языка. Известно только, что он приступил к изучению русского языка в 1870 году.[19] Сегодня мы, зная факты, относимся к его более чем щедрой оценке качества русского перевода «Капитала» Н. Даниельском с большой долей скептицизма.

Да, мы рассуждаем так сегодня. В 20-е же, 30-е и в последующие годы вопрос *стоимость* или *ценность* для всех желающих принять участие в дискуссии мог стать буквально вопросом жизни и смерти... Слава богу, на дворе теперь другая погода, и мы спокойно, без риска для жизни можем продолжить наши рассуждения о *ценности* и *стоимости*.

Итак, легко, без особых затруднений мы пришли к выводу, что *Gebrauchswert* - полезность вещи или полезная вещь - следует переводить русским *потребительная ценность*. Потребительные ценности товаров[20] составляют предмет особой дисциплины – товароведения»[21]. Поскольку предметом научного интереса Маркса является другая дисциплина – политическая экономия, то он не мешкая переходит в «Капитале» к анализу *Tauschwert*.

При рыночном хозяйстве потребительные ценности выступают «вещественными носителями меновой ценности»[22].

«Меновая ценность представляется выступает прежде всего как количественное соотношение, пропорция, в которой потребительные ценности одного рода обмениваются на потребительные ценности другого рода... Меновая ценность кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, свойственная товару меновая ценность, следовательно, - противоречием в определении.»[23]

Действительно, по определению, *меновая ценность* вещи даёт о себе знать, является на свет, оживает только в собственном кругу товаров. В предмете, рассматриваемом изолированно, вне обмена, независимо от обмена, то есть в обществе, отличном от капиталистического, у *менового ценности* отсутствует необходимая среда обитания. И наоборот, наличие *менового ценности* есть указание на присутствие факта обмена. *Меновая ценность* немыслима без обмена. Строго говоря, последнее утверждение - тавтология, но и подтверждение тому, что «внутренняя, присущая товару *меновая ценность* является противоречием в определении».

В самом деле, *меновая ценность* есть только «способ выражения, форма проявления»[24] как раз того «внутреннего, присущего самому товару» содержания, которое в самой *менового ценности* искать напрасно. Это общее, присущее всем товарам, как таковым, содержание, «кристаллы общей им всем субстанции» есть *Wert*, овеществлённый, материализованный абстрактный человеческий труд.

Здесь мы поставим пока точку.

У переводчика уже вполне достаточно информации, сущностного материала, чтобы сделать правильный выбор русских слов (не научных терминов, понятий!) для передачи научного содержания, скрытого за всеми требующими перевода терминами (не за словами!) на немецком языке.

Задача простая: требуется перевести три научных понятия, это - *Gebrauchswert*, *Tauschwert* и *Wert*.

Немецкое слово *Wert*, грамматический корень разбираемых терминов, многозначно и переводится на русский язык различным способом: *das alte Möbel ist von großem Wert* (старинная мебель представляет большую ценность); *der künstlerische Wert eines Romans*

(художественное значение романа); *der Wert der beschädigten Uhr ersetzen* (возместить стоимость повреждённых часов); *sich seines Wertes bewußt sein* (знать себе цену) и т. д.

Несмотря на большое число языковых ситуаций, в которых встречается слово *Wert*, перевод простых, подобных вышеприведённым, предложений труда не составляет. Другое дело, перевод соответствующих сочинений по политической экономии. Здесь это слово является основой для целого ряда терминов – названий научных понятий, категорий, абстракций. Последние требуют уже специального объяснения, т. е. в своём роде ещё одного перевода, именно с языка абстракций на общепотребительный язык. Например, в «Капитале» Карла Маркса в неоднозначном немецком слове *Wert* необходимо «перевести» однозначное в каждом случае научное содержание, чтобы затем последнему (а не многозначному слову!) найти подходящее название на русском языке.

Задача много проще, чем обычно думают. Её усложняют тем, что переводить начинают прямо со слова *Wert*, тогда как исходный пункт анализа вариантов перевода находится совсем в другом месте.

На это место прямо указывает Адам Смит: «Слово ценность имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-либо предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую даёт обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной ценностью, вторую – меновой ценностью»[25]. Соответствующей цитатой из «Богатства народов» начинает свой главный труд Давид Рикардо[26]. И Карл Маркс на первых же страницах «Капитала» представляет читателям *Gebrauchswert* и *Tauschwert*[27]. А. Смит, правда, говорит о различных значениях слова а не о различных научных понятиях. Об этом иногда забывают и до сих пор смешивают одно с другим.

Так Я. Певзнер, напомнив, что немецкое *Wert* переводилось в своё время русским *ценность*, предлагает «вернуться к этому понятию (курсив мой – В. Ч.)» вновь[28]. Рассматривая научное понятие как нечто, данное наперёд, раньше самой науки, он ошибается уже в постановке вопроса. Проблема для него, оказывается, не в том, каким русским словом перевести известное научное понятие, однажды уже получившее имя на немецком языке, а в том, каким русским понятием перевести немецкое слово *Wert*. Для этой цели, по мнению Я. Певзнера, лучше всего годится «ценность» - «синтез абстрактного труда и абстрактной полезности»[29], «понятие, в котором отражается противоречивое единство стоимости... и потребительной стоимости...»[30].

Я. Певзнеру возражает А. Румянцев: «...Ценность связана с ценой, а стоимость с общественно необходимыми затратами абстрактного труда»[31].

В основе рассуждений оппонентов одна и та же ошибка: полемика ведётся на уровне спора о словах.

Ценность связана с ценой этимологически, т. е. по происхождению слов, хотя по смыслу, семантически, это разные, как правило, легко различимые в современной языковой практике слова. Связь же слова *стоимость* (здесь нас интересует не содержание вышеприведённой цитаты, а только форма) с «общественно необходимыми затратами абстрактного труда» совсем другого, чисто научного, «искусственного» происхождения. В слове *стоимость*, как таковом, упомянутое содержание искать бесполезно.

Научные понятия в политической экономии, повторим, принято обозначать общепотребительными словами. Это создаёт почву для возникновения и распространения иллюзии, будто значение слова и содержание научного понятия полностью совпадают. Более того, будто первое является причиной использования в науке второго, будто содержание научного понятия привязано к слову-названию ещё задолго до самой науки.

Кстати это ошибка большинства авторов – как сторонников так и противников нового перевода – брать в полемике за основу рассуждений содержание русских слов *стоимость* и *ценность*, как «готовые» научные категории, и делать отсюда выводы.

Обратимся к тексту уже цитированного здесь автора В. Клинова, который, между прочим, разделяет чувство недоумения П. Струве по поводу использования Н. Даниельсоном выражения *потребительная стоимость* [32]. В. Клинов возражает М. Туган-Барановскому, неправильно, по мнению критика, утверждавшему, что термин *ценность* выражает полезность, а *стоимость* отражает затраты. Клинов допускает здесь сразу две ошибки. Во-первых, он принимает от оппонента мяч, посланный мимо цели. Тем самым делает совершенно ненужное движение, ибо М. Туган-Барановский вместо того, чтобы анализировать содержание Марксовых категорий *Wert*, *Gebrauchswert*, *Tauschwert* с целью дать им название на русском языке, рассуждает о содержании общеупотребительных слов *стоимость* и *ценность*. Во-вторых, В. Клинов, повторяя ошибку оппонента, тоже спорит о словах, правда, уже не только о русских, но и о не русских тоже. [33]

Некоторые авторы, указывая на ошибочный выбор И. Скворцовым-Степановым нужного слова для перевода немецкого *Wert* в «Капитале» Маркса [34], ссылаются иногда на Э. Ильенкова. Не знаю, была ли опубликована его статья «О переводе термина «Wert» (ценность, достоинство, стоимость, значение)». Она мне знакома в электронной версии. И здесь узнаём уже известный нам подход к проблеме. Для Э. Ильенкова, размышлявшего о переводе термина *Wert*, важно было сразу же, в первом предложении подчеркнуть следующее: одно слово «строго выделяет политико-экономический смысл», а другое – «морально-этический и т. п. аспект» [35] переводимого термина. Но закончив чтение, читатель по-прежнему не имеет понятия, а какой, собственно говоря, «смысл», какой «аспект» надо переводить. Зато он с удивлением узнаёт, что «политико-экономический» «перевод превратил Маркса в чистейшего берклианца» [36], и, качая головой, принимает к сведению желание автора «проверить, не виноват ли перевод И. Степанова-Скворцова, в частности и в том, что наши экономисты так часто путают экономические категории с правовыми...» [37]

Вернёмся, однако, к нашей задаче перевести три научные категории: *Gebrauchswert*, *Tauschwert* и *Wert*.

С *Gebrauchswert* к всеобщему, я уверен, согласию и полному удовлетворению читателей мы покончили. Некоторые, особенно молодые из них, здесь я вспоминаю свои студенческие годы, должны почувствовать облегчение, избавившись наконец-то от неподъёмного интеллектуального груза понять то, что «явно нелепо». Научная категория *Gebrauchswert* это потребительная ценность - полезность вещи или полезная вещь.

Перейдём к *Tauschwert*. Чтобы правильно перевести этот термин необходимо начинать, мы это уже знаем, с анализа содержания переводимого термина, научного понятия. Вспомним:

«Меновая ценность выступает прежде всего как количественное соотношение, пропорция, в которой потребительные ценности одного рода обмениваются на потребительные ценности другого рода...» [38]

Теперь восстановим в памяти другое важное правило: при выборе названия для научного термина, научного понятия следует обращать внимание на наличие (или отсутствие) смыслового единства между содержанием научного понятия и исторически сложившимся значением слова.

Содержание научной категории *меновая ценность* переводчику известно (см. выше). Однако при выборе её русского эквивалента И. Скворцов-Степанов всё-таки допускает ошибку. Проигнорировав только что сформулированное правило, упустив из виду значение общеупотребительного слова *стоимость*, он неправильно немецкое *Tauschwert* перевёл русским *меновая стоимость*.

И. Скворцов-Степанов, во-первых, должен был обратить внимание на то, что смысл русского слова *стоимость* в точности совпадает со значением немецкого *Tauschwert*. *Стоимость* по-русски это не иначе, как количественное соотношение, пропорция, в которой ценности одного рода обмениваются на ценности другого рода. *Стоимость* есть

относительное вообще, и денежное, в частности, выражение ценности вещи, продукта, товара... 1 книга стоит 2-х билетов в кино, 1-го похода к парикмахеру или 1000 руб., овчинка выделки не стоит, Париж стоит обедни!..[\[39\]](#) *Стоимость* это меновая ценность. Во-вторых, от внимания переводчика ускользнул буквально на поверхности лежащий факт, что словосочетание *меновая стоимость* есть тавтология, простое посторение. Оно не годится не только для перевода немецкого *Tauschwert* - оно вообще никуда не годится.

Здесь тот редкий, почти невероятный случай, когда при переводе научного труда такого ранга, как «Капитал», была допущена не одна, как считает Й. Цвайнерт, а сразу две серьёзные ошибки (см. примеч. 4).

Немецкому слову *Wert* в русском языке точно соответствует слово *ценность*. Как и *Wert* оно богато значениями, универсально. Слово *стоимость*, напротив, бедно, зато конкретно, однозначно, определённо, в немецком языке эквивалента ему нет. *Стоимость* есть *Wert* только в значении последнего как *Tauschwert*. И в русском языке вещи «непосредственно данные» принято обозначать словом *ценность*, а «рефлектированные» - словом *стоимость*.[\[40\]](#) Следовательно, если *Tauschwert* по-русски – это *стоимость* или *меновая ценность*, то в «Капитале» кроме соблюдения языковой грамотности и точности перевода, но ещё и в интересах сохранения свойственного оригиналу единообразия терминологии *Tauschwert* следует переводить русским *меновая ценность*. Что, впрочем, не мешает авторам, пишущим на русском языке оригинально, использовать оба слова: *ценность* и на своём месте *стоимость*... и пусть тогда немец или француз ломает голову над их переводом.

«Больше всего слышалось порицаний за будто бы неудачный выбор термина для выражения понятия *Wert*, *value*, *valeur*, которое по-русски передано словом *стоимость*.»[\[41\]](#)

Разъяснение вопроса Даниельсоном, как одного из переводчиков и организатора перевода «Капитала» на русский язык, представляет особый интерес. Возможно удастся установить первоначальную причину ошибки перевода. Кроме того, это пока единственный известный ответ критикам по существу. Из-за довольно сложной манеры письма Даниельсона пришлось отказаться от обычного сплошного цитирования, прибегнув к краткому изложению основной мысли автора. Его аргументы или, как говорит сам Даниельсон, соображения, взятые из предисловия ко второму русскому изданию I тома «Капитала» (1898), перечислены ниже в пунктах 1, 2 и 3 (в оригинале: во-первых, во-вторых, в-третьих).

1. Величина меновой стоимости определяется трудом, который стоил обществу для производства продуктов. Поэтому данное количество труда или рабочее время, «нельзя назвать иначе как стоимостью» - «действительной стоимостью».[\[42\]](#)

Сначала Даниельсон предполагает наличие конкретного научного термина, который необходимо перевести на русский язык. Но тем, что даёт ему различные названия («*стоимость*», «*меновая стоимость*», «*действительная стоимость*»), он отрицает собственную предпосылку и тем самым запутывает себя окончательно. Выходит, термин есть и всё-таки его нет. Как же переводить то, чего нет? Не найдя другого выхода, Даниельсон переводит *Wert* по смыслу случайного здесь слова *стоить*.

Чтобы перевести в «Капитале» *Wert*, требуется точно знать, что переводишь, а это *Gebrauchswert*, *Tauschwert* и *Wert*. Даниельсон не знает, поэтому он не переводит, а по-своему объясняет значение научного термина, которого нет, а затем по совершенно случайным основаниям подбирает ему название на русском языке.

1. Русское *стоимость* больше соответствует «ясному и отчётливому» романскому, чем «неуклюжему» немецкому, способу передачи того факта, что «приравнивание товара В к товару А есть лишь способ товара А выражать свою стоимость».[\[43\]](#)

И русское *стоимость*, и немецкое *Wertsein*, и романское *valere* более или менее отчётливо выражают то обстоятельство, что приравнивание товара В к товару А есть лишь

способ товара А выражать свой *Wert*. Здесь безразлично, какое из этих слов более, а какое менее отчётливо передаёт упомянутый факт. Важнее всего содержание самого факта. Приравнивание товара В к товару А указывает на наличие обмена и является способом выражения относительной (*меново́й*) *ценности* или *стоимости* товара А.

1. Ценность, цена, - так Даниельсон, - есть денежное выражение *Wert*. Одно слово ценность, используемое в качестве названия для двух различных понятий – *Wert* и его денежной формы – вызвало бы «путаницу представлений».[44]

Между прочим, слово *стоимость* не меньше, а больше, чем *ценность*, «денежное выражение». Следовательно, если принять логику Даниельсона, «путаница представлений» от использования слова *стоимость* для перевода *Wert* не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Неопределённость терминологии – вот действительная причина «путаницы представлений». Развитие науки, научных представлений обязательно сопровождается развитием терминологии. Развитая научная терминология, в свою очередь, это свидетельство уровня развития науки. Категория *Wert* в своё время была шагом вперёд в политической экономии. Затем последовали другие шаги: *Ware*, *Gebrauchswert*, *Tauschwert*... Даниельсон всё внимание уделяет *Wert* и не видит, что переводит вчерашний день политической экономии.

В 1899 году I том «Капитала» вышел под редакцией П. Струве. Эта недостаточно изученная, почти забытая и совсем ещё недавно неохотно упоминавшаяся в литературе[45] глава из истории перевода «Капитала» на русский язык имеет отношение к разбираемому нами вопросу.

«Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в «Капитале», является понятие ценность. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого *Wert*, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова.»[46]

Первое, что сразу бросается в глаза, – это сходство взглядов П. Струве и Н. Даниельсона на *Wert*. Оба рассматривают его как «исходную точку экономической системы К. Маркса», и оба ошибаются, упуская из виду, что «субъект» у К. Маркса не *Wert*, а *Ware* (товар).[47] Но если для Н. Даниельсона *Wert* начальная и конечная точка «системы», то П. Струве идёт дальше, выделяя факт «раздвоения ценности на меновую и потребительную»[48], благодаря чему он находит подходящий ключ к переводу многозначного *Wert* в «Капитале» - это перевод однозначных *Gebrauchswert* и *Tauschwert*. Перевод научных терминов вообще и *Gebrauchswert* и *Tauschwert* в частности, повторим ещё раз, представляет собой единство сущностных и языковых аспектов, как разных сторон одного и того же переводческого процесса. Так, у Струве в нашем примере анализ содержания понятия не заслоняет собой анализ содержания слова, разбор идёт параллельно и заканчивается важным для переводчика выводом:

во-первых, «русское слово «стоимость», по своему обычному смыслу, т. е. по принятому в обыкновенной речи словоупотреблению, обозначает затрату на производство или издержки производства в хозяйстве, основанном на обмене...»[49], во-вторых, «словосочетание «потребительная стоимость» явно нелепо»[50].

Но где же факты, объясняющие решение Н. Даниельсона и его товарищей переводить *Wert* словом *стоимость*?

Известно, что для русского издания 1872 года перевод «Капитала», включая I главу, осуществлялся по первому немецкому изданию 1867 года: «Wenn wir künftig das Wort «*Wert*» ohne weitere Bestimmung brauchen, so handelt es sich immer vom *Tauschwert*.»[51] Выходит, строгого различия между *Wert* и *Tauschwert* у К. Маркса ещё не было?

Р. Хеккер, к примеру, так не считает. Возражая оппонентам, он утверждает, что сущностная разница К. Марксу была давно известна, просто не все категории получили ещё ясные терминологические определения[52]. Сегодня учёные спорят, читатели К. Маркса конца 60-х – начала 70-х годов XIX столетия верили своим глазам: *Wert* есть *Tauschwert*. Только во втором немецком издании (1873) К. Маркс дал определение

категории *Tauschwert* как формы *Wert*, снял цитированное выше подстрочное примечание 9 и заменил в ряде мест *Wert* на *Tauschwert* и наоборот.^[53] Для нас здесь важно знать то, что первые русские переводчики «Капитала», размышлявшие над выбором эквивалента немецкому *Wert*, этим новым знанием не располагали. Подтверждение тому – взгляды Н. Даниельсона на *Wert*, изложенные им много лет спустя в предисловии ко второму русскому изданию I тома. В них по-прежнему заметно влияние идей, приобретённых ещё в период знакомства с «Капиталом» по первому немецкому изданию, и позже, во время работы над переводом, в частности, это отождествление *Wert* и *Tauschwert*.

Оказывается, перевод *Wert* словом *стоимость* в первом русском издании «Капитала» вовсе не ошибка или, точнее сказать, не только ошибка, ведь в оригинале *Wert* = *Tauschwert*, а *Tauschwert* по-русски это *стоимость*! Ошибка случилась позже. В то время как Маркс продвинулся в теории вперёд, что и в терминологии нашло своё отражение, Даниельсон, трижды переиздавая I том на русском языке, в последний раз в 1898 году, прогресс в науке проглядел и продолжал держаться «традиционного», образца 1872 года перевода *Wert*. Итак, неудачный выбор им слова *стоимость* для нас по крайней мере объясним, если перевод «Капитала» рассматривать в историческом контексте.

Подведём итог.

Gebrauchswert - полезность вещи или полезная вещь (кстати, понятие, связанное не только с товарным или капиталистическим способом производства) - следует переводить русским *потребительная ценность*.

Tauschwert, напротив, это свойство, присущее только товарам. Оно заключается в их способности в определённой пропорции обмениваться на другие товары. *Tauschwert* - это количественная форма выражения общей всем товарам субстанции – человеческого труда. По-русски *Tauschwert* это *меновая ценность* или *стоимость*.

Wert, по Марксу, - это овеществлённый в товарах труд, общая всем товарам субстанция, которая делает их как *меновые ценности* между собой сравнимыми и обмениваемыми; служит также мерой определения величины *менной ценности*. Русский эквивалент немецкому *Wert* это - *ценность*.

Наконец, следующее разъяснение К. Маркса окончательно расставляет все точки над *i*:

«Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная ценность и меновая ценность, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная ценность, или предмет потребления, и “ценность”. Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его ценность получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой ценности, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.»^[54]

* * *

Итак, после того, как задача решена: немецкое *Wert* в «Капитале» следует переводить русским *ценность*, то осталось, кажется, самое простое – заменить в имеющемся тексте на русском языке одно слово другим. Но осторожно! Лёгкость такого подхода обманчива. Здесь и там переводчика ожидают сюрпризы. Укажем на некоторые из них, взяв отдельные пассажи перевода И. Скворцова-Степанова под увеличительное стекло. При этом я не имею в виду такие курьёзные места как: «С. Бейли, автор этой анонимной работы...»^[55]

«Стоимость [*Wertgegenständlichkeit*] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [*Wertgegenständlichkeit*] не входит ни одного

атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остаётся неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenständlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, то их стоимость [Wertgegenständlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому.»[56]

В предисловии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 23-му тому сочинений Маркса и Энгельса, 2 изд., I том «Капитал», в основу издания которого положен перевод И. Скворцова-Степанова читаем:

«...Труднопереводимые немецкие слова даются рядом с их переводом также и на языке оригинала (в квадратных скобках).»[57]

Выходит, немецкие *Wertgegenständlichkeit* и *Wertding*, одинаково (!) переведённые на русский язык словом *стоимость*, относятся, по-мнению переводчика и редактора, к числу труднопереводимых? Однако, на стр. 76, 82, 83[58] и в некоторых других местах книги перевод этих слов дан в обычной манере, соответственно, как «*стоимостная предметность*» и «*стоимостная вещь*». Значит к числу труднопереводимых отнести их всё-таки нельзя? Действительно, *Wertding*, например, с учётом известной поправки, это не *стоимостная вещь*, тем более не *стоимость*, а самая банальная, «копеечная» *ценная вещь*. Очевидно, трудности возникают здесь, и не только здесь, не с переводом слов в «Капитале», а с переводом их научного содержания. Но - не с немецкого языка на русский, а - с языка абстракций на общеупотребительный язык.[59]

«Порождённая авансированным капиталом *K* в процессе производства прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства.»[60]

По прочтению этого примера перевода И. Скворцова-Степанова следует сделать два замечания.

Первое. Переводить *Kapitalwert* как «*капитальная стоимость*» нельзя. *Капитальная* (солидная, прочная, надёжная) *стоимость* - это не по-русски, по-русски так не говорят. Переводчик, видимо, рассчитывал таким образом продолжить терминологический ряд: *потребительная стоимость*, *меновая стоимость*, *прибавочная стоимость*. Это ошибка.[61] Немецкое *Kapitalwert*, по-русски, это, безусловно, *стоимость* или, на выбор, *ценность капитала*. Ответ на вопрос, почему здесь второму варианту должно отдать предпочтение - отложим до того места, где будем отвечать на другой, аналогичный вопрос: почему в «Капитале» следует переводить «*ценность*», а не «*стоимость сапога*».

Второе замечание, связанное с вышеприведённой цитатой, - вопрос более сложный. Этой теме в «Капитале» посвящена вся пятая глава «*Arbeitsprozess und Verwertungsprozess*», точнее, вторая её часть, так и озаглавленная «*Verwertungsprozess*». Русский перевод термина *Verwertungsprozess* в заголовках, а также во всех без исключения соответствующих местах в тексте, по версии И. Скворцова-Степанова, это - *прирост стоимости*. Если идти таким путём, и выбирать русский эквивалент немецкому *Verwertungsprozess* методом поиска наиболее близкой словестной интерпретации содержания марксова термина, а не переводить буквально, то, пожалуй, следовало бы выбрать другой вариант, а именно: «процесс прироста прибавочной ценности». Предмет исследования К. Маркса - общество товарного производства. Товаропроизводитель, как активный участник производства товаров, озабочен не просто «приростом *стоимости*». Увеличение «*стоимости*» продукта труда можно «достигнуть» более лёгким путём, например, путём уменьшения производительности труда. Нет, капиталист

«хочет произвести не только потребительную ценность, но и товар, не только потребительную ценность, но и ценность, и не только ценность, но и прибавочную ценность.»[62]

Любопытно, что общеупотребительное слово *Verwertungsprozess* прямого отношения к политэкономическим категориям *Wert*, *Gebrauchswert* и *Tauschwert* не имеет. Косвенно ближе всего оно стоит к *Gebrauchswert*. Дословно *Verwertungsprozess* переводится как *реализация, использование*. Можно, например, реализовать, использовать, отходы, скажем, макулатуру и получить картон, новый продукт, новую потребительную ценность. Реализовать также можно *kapital* или *Wert*, получив *Mehrwert* (*прибавочную ценность*).^[63] *Verwertung des Wertes* у Маркса - игра слов. Известно, что он был в этом жанре мастер. Правда, на этот раз, по ошибке или по недосмотру, он оставил термин *Verwertungsprozess* висеть в воздухе, не дав ему в тексте дальнейшего определения. Отчего перевод термина на русский язык не удался, а *Verwertungsprozess*, процесс реализации идей «Капитала» в России затянулся.

Итак, *Verwertungsprozess* по-русски это *процесс реализации*. Результатом «процесса реализации», целью товарного производства является получение *прибавочной ценности*. Специфическое «сырьё», «реализуемое» в процессе получения «готового продукта» есть *ценность*. *Verwertungsprozess* представляется, следовательно, как бесконечное движение, известное у Маркса под названием *Verwertung des Werts*^[64]. Воспользуемся аналогией. «Реализация» жизни заключается в её продолжении. Продолжение жизни возможно, если имеет место её воспроизводство. Последнее гарантирует потомство. Но сам процесс реализации жизни это больше, чем её цель и результат – появление на свет детей. Так и процесс реализации *Wert* или капитала, результатом и целью которого является получение *Mehrwert* (прибавочная ценность), больше последнего.

Verwertung по-русски это *реализация*. *Verwertungsprozess* - *процесс реализации*. В процессе, о котором у Маркса идёт речь, реализуется *Wert*. Следовательно, *Verwertungsprozess* в «Капитале» это «*Verwertungsprozess des Wertes*», по-русски *процесс реализации ценности*. Отсюда название 5-й главы «*Arbeitsprozess und Verwertungsprozess*» дословно по-русски – «*Процесс труда и процесс реализации*», а по смыслу - «*Процесс труда и процесс реализации ценности*». «*Verwertungsprozess*», заголовок 2-й части 5-й главы, соответственно, - «*Процесс реализации ценности*», а «*Verwertung*» в соответствующих местах текста вместо *увеличение, возрастание* или *прирост стоимости* – *реализация ценности*.

Приступающим к любой работе, советуют, начинать всегда с самого трудного. Нарушая это бесспорно важное правило организации труда, мы только в заключение переходим к вопросу, который в связи с переводом «Капитала» кажется самым сложным для понимания. Этот вопрос: почему, например, предложение

«...der Wert eines Stiefels [ist] nicht nur durch die Schusterarbeit, sondern auch durch den Wert von Leder, Pech, Draht usw. [bestimmt].»^[65]

следует переводить: «...*ценность* сапога определяется...», а не «...*стоимость* сапога определяется...»? Или, почему переводчик «Капитала» в соответствующих местах текста всегда должен отдавать предпочтение русскому «*ценность капитала*», отклонив, казалось бы, более подходящее «*стоимость капитала*»?

«Есть... одно неудобство, от которого мы не могли избавить читателя. Это — употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечёт за собой революцию в её технических терминах.»^[66]

В нашем случае речь идёт как раз об употреблении слов, как терминов, в смысле, отличном от того, который они имеют в обиходе. Вот для иллюстрации некоторые примеры:

«Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, ценность (не стоимость! – В. Ч.) алмаза могла бы упасть ниже ценности (не стоимости! – В. Ч.) кирпича.»^[67]

«...Один сюртук имеет ценность (не стоимость! – В. Ч.), какую раньше имели два сюртука.»^[68]

«Пусть, например, дневная ценность (не стоимость! – В. Ч.) рабочей силы равняется 3 шилл., или ценности (здесь ценность на своём месте! – В. Ч.), вновь созданной в 6 рабочих часов

То состояние, которое Энгельс называет «неудобством», вызвано тем, что читатель Маркса, следя за его рассуждениями, вынужден постоянно балансировать на высокой ступени абстракции. Этой ступени, этому уровню абстракции соответствует и специальная терминология, та самая, которая может доставлять неудобства. Если у Маркса идёт речь о такой тривиальной вещи как сапог, то это не следует понимать так, что, прежде чем отправиться к сапожнику, он решил обменяться с читателем последней информацией об актуальных ценах на обувь в тогдашнем Лондоне. Wert в „der Wert eines Stiefels» у Маркса это определённое количество абстрактного труда, то есть *ценность*, а не её денежная форма выражения, цена или вообще стоимость. Если говорить вообще, то не будет, конечно, неправильным сказать: «стоимость алмаза упала ниже стоимости кирпича». Для тех, например, кто на базаре торгует алмазами, или следит за биржевыми сводками, это обычное словоупотребление. Для них и для всех говорящих по-русски стоимость в обиходе это меновая ценность, количественно определённая ценность, цена или денежная форма выражения ценности. В одном месте, рассуждая о ценности, Маркс не надолго спустился с привычной ему высоты абстракции, обратив внимание на разницу, о которой мы только что говорили:

«Выражение «Wert» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определённого «Wert», т. е. величины «Wert»»,^[69]

чтобы затем вновь подняться на привычный ему философский Олимп, доставляя читателям то «неудобство», от которого избавиться нельзя.^[70]

Я сказал всё, что хотел сказать. Об остальном пусть судит читатель.

* * *

Перевод осуществлялся по немецкому изданию Dietz-Verlag Berlin, 1984 (идентично MEW. Bd. 23). В той части, которая не противоречила новой концепции, был использован русский перевод И. Скворцова-Степанова, исправленный и дополненный в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Издательство политической литературы, 1978 (идентично Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23).

От всех не принадлежащих К. Марксу (и Ф. Энгельсу) комментариев, а также от справочного аппарата я отказался, чтобы внимание читателя сфокусировать на главном - содержании переводимого авторского текста. Примечания переводчика помещены везде в квадратные скобки.

Потсдам
август-сентябрь 2014

^[1] См. К. Маркс, Ф. Энгельс соч., 2 изд., том 23, стр. VII (От института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

^[2] Joachim Zweynert. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Rußland 1805-1905 (Й. Цвайнерт. История экономической мысли в России 1805-1905), Metropolis-Verlag, Marburg 2002, S. 260)

^[3] Там же, стр. 261.

^[4] Если в дальнейшем я буду использовать фрагменты этих публикаций, то без ссылок на источник

^[5] Там же, стр. 43.

[6] В XIX веке товары были ещё большей частью вещи. Сегодня – это ещё и идеи, услуги, зрелища и проч. Для краткости здесь и далее не будем указывать на многообразие современных товаров - В. Ч.

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс соч., 2 изд., том 23, стр. 43.

[8] См. там же.

[9] Там же, стр. 44.

[10] Там же.

[11] Факт, что научный термин, понятие «*потребительная ценность*» употребляется у Маркса в двух значениях: «*полезность*» и «*полезная вещь*», неизбежно приводит к путанице в головах читателей. Если одно слово может иметь несколько значений, то научное понятие, напротив, должно быть однозначно. В противном случае, наука, оперирующая как раз понятиями, потеряла бы всякий смысл. Ф. Энгельс: «Употребление одних и тех же *termini technici* в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удаётся ни в одной науке.» См. Маркс К., Энгельс Ф. соч., 2 изд., т. 23, стр. 228, подстрочное примечание 29.

[12] Струве П. Б. Предисловие редактора русского перевода. В кн.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Спб., 1899. С. XXIX

[13] Любой готовый результат, всё равно в какой области, кажется простым решением.

[14] См. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч., 2 изд., т. 33, с. 395.

[15] См. там же с. 402.

[16] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 4. С. 68. (подстрочное примечание)

[17] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 26, стр. 86.

[18] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 4. С. 68 (подстрочное примечание)

[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 33. с. 147.

[20] Здесь в значении «полезность», иначе - тавтология! См. примечание 13!– В.Ч.

[21] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 44.

[22] Сравни, там же (стр. 24 настоящего тома)

[23] Там же стр. 44-45.

[24] Там же, стр. 45.

[25] Смит. А Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л., 1935. Т. I. С. 28.

[26] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Сочинения. М., 1955. Т. I. С. 33.

[27] См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Часть I. С. 216. Подстрочное примечание

[28] См. Певзнер Я. Коммунист, 1987. № 11. С. 58.

[29] Певзнер Я. Вопросы экономики, 1998. № 6. С. 71.

[30] Певзнер Я. Коммунист, 1987. № 11.С. 58; см. Также Певзнер Я. Дискуссионные вопросы политической экономии. М., 1987. С. 57.

[31] Румянцев А. Коммунист, 1988. № 3. С. 73.

[32] «Туган-Барановский прав, считая, что термин *Gebrauchswert* следует переводить как потребительная ценность...» Клинов В. Г. Рецензия. «Мировое и национальное хозяйство» № 2 (9) 2009.

[33] Там же.

[34] Обращаю внимание читателя на одну важную деталь: я говорю о переводе «Wert» именно в «Капитале» Карла Маркса, а не вообще.

[35] <http://caute.tk/ilyenkov/texts/daik/wert.html> : стр. 1.

[36] Там же, стр. 2.

[37] Там же, стр. 5.

[38] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 44 (стр. 24 настоящего тома)

[39] Сравни: Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 62 (стр. 36 настоящего тома).

[40] сравни: Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 44, примеч. 4 (стр. 23-24, примеч. 4 настоящего тома).

[41] Даниельсон Н. Ф. Предисловие ко второму русскому изданию I тома «Капитала» К. Маркса. В книге: Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Том I. Спб., 1898. С. XIV.

[42] См. Даниельсон Н. Ф. Предисловие ко второму русскому изданию I тома «Капитала» К. Маркса. В книге: Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Том I. Спб., 1898. С. XV-XVI.

[43] Даниельсон Н. Ф. Предисловие ко второму русскому изданию I тома «Капитала» К. Маркса. В книге: Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Том I. Спб., 1898. С. XVI. (Ср. MEW. Bd. 23. S. 67; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 62).

[44] Там же С. XVII.

[45] См. Коммунист. 1982. № 15. С. 33.

[46] Струве П. Б. Предисловие редактора русского перевода. В кн.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Спб., 1899. С. XXVIII

[47] См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 372.

[48] Струве П. Б. Предисловие редактора русского перевода. В кн.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Спб., 1899. С. XXIX

[49] там же.

[50] там же.

[51] MEGA II/5. S. 19 (Fußnote 9) «Если в будущем мы будем использовать слово «Wert» без дальнейшего определения, то речь всегда будет идти о Tauschwert.» (перевод мой – В.Ч.)

[52] См. Rolf Hecker. In: Marx-Engels Jahrbuch 10. Dietz Verlag Berlin, 1987. S. 168

[53] См. там же.

[54] Стр. 41 настоящего тома, MEW. Bd. 23. S. 75 (Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 70)

[55] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 72, примеч. 23. В оригинале: «S. Bailey, der Verfasser dieser anonymer Schrift...»

[56] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 56 (MEW. Bd. 23. S. 62). Аналогичный пример см. там же, стр. 59, 60, 61 (MEW. Bd. 23. SS. 64, 65, 67), см. стр. 34, 36 настоящего тома.

[57] Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. VII.

[58] Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. 76, 82, 83 (MEW. Bd. 23. S. 80, 86, 87).

[59] Сравни перевод стр. 32 настоящего тома.

[60] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 223 (MEW. Bd. 23. S. 226.

[61] Ошибка в тексте перевода повторяется многократно. Некоторые примеры: см. Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 218, 220, 582...

[62] Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 197 (MEW. Bd. 23. S. 201), стр. 131 настоящего тома.

[63] Маркс говорит о «Verwertung des Werts» и далее: „Der Wert stößt sich als Mehrwert von sich selbst als ursprünglichem Wert ab, sich selbst verwertet. Denn die Bewegung- worin er Mehrwert zusetzt, ist seine eigne Bewegung, seine Verwertung also Selbstverwertung.“ MEW. Bd. 23. S. 167, 169 (Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 163, 165), стр. 107, 108 настоящего тома.

[64] MEW. Bd. 23. S. 166, 167 (Маркс К., Энгельс Ф. соч., изд. 2, т. 23, стр. 162, 163), стр. 106, 107 настоящего тома.

[65] MEW. Bd. 23. S. 334 (Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. 325), см. стр. 223 настоящего тома: «... ценность сапога определяется не только трудом сапожника, но и ценностью кожи, смолы, дратва и т. д.»

[66] Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. 31, предисловие к англ. изданию (см. стр. 17 настоящего тома).

[67] Там же, стр. 49 (см. стр. 27 настоящего тома).

[68] Там же, стр. 54 (см. стр. 31 настоящего тома).

[69] Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. 63, примеч. 19 (см. стр. 36 настоящего тома, примеч. 19)

[70] За исключением тех случаев, когда Маркс цитирует других авторов. Здесь мы исходим из того (потому что не знаем точно), что термины употребляются в смысле, «который они имеют в обиходе». Пример: «...Цена труда повышалась настолько несоответственно возрастанию стоимости жизни, что теперь она, быть может, не составляет по отношению к этой стоимости и половины того, что составляла раньше». (Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2 изд., том 23, стр. 686-687, примеч. 140 (см. стр. 481 настоящего тома, примеч. 75)